

Исследование выполнено в рамках проекта «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», поддержанного грантом РФФИ № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288, Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>)

Изучены алгоритмы социального восприятия «города будущего». Концептуализированы положения: социальная перцепция «города грядущего» определяется дискурсом города прошлого и, таким образом, текстуализируется; когнитивный алгоритм социальной перцепции будущего аналогичен алгоритму восприятия прошлого; восприятие прошлого субъективно, как и восприятие будущего. В качестве базы планирования города будущего предлагается институт эпистемологической прогностики, в матрице которого выделяются «кластеры развития». Они имеют сходство с некогда пустыми ячейками таблицы Менделеева и неизбежно находят наполнение в процессе интеллектуальной коммуникации ученых и практиков.

Ключевые слова: город будущего; дискурс восприятия; эпистемологическая прогностика; утопия. /

The purpose of the article is to study the algorithms and patterns of social perception of the 'city of the future'. The following provisions are conceptualized: the social perception of the 'city of the future' is determined by the discourse of the city of the past and, thus, is textualized; the cognitive algorithm of social perception of the future is similar to the algorithm of perception of the past; the perception of the past is as subjective as the perception of the future. The institute of epistemological prognostics is proposed as a conceptual basis for planning the city of the future, in the matrix of which 'development clusters' occupy a special place. These clusters are similar to the once empty cells of the periodic table and inevitably find their fulfillment in the process of intellectual communication between scientists and practitioners.

Keywords: city of the future; discourse of social perception; epistemological prognostics; utopia.

Текстология города будущего: ретрофутуризм как алгоритм / Textual history of the future city: Retrofuturism as an algorithm

текст

Ирина Савченко

Московский городской педагогический университет

text

Irina Savchenko

Moscow City University

У каждого века своя дискотека...

Сергей Островой

Вопрос о том, что представляет собой город будущего, можно считать одним из ключевых в современных городских исследованиях. Более того, в наш урбанизированный век города «действуют как "лаборатории" для решения возникающих проблем» [1], и поэтому рефлексия будущего городов неминуемо ведет к размышлениям в целом о будущем людей, живущих на Земле.

Автор настоящей статьи, оставаясь в академических рамках, избегает пророческого тона и лишь пытается понять, имеются ли какие-либо основания говорить об определенных алгоритмах восприятия городов будущего или нет. В данном случае мы вновь и вновь обнаруживаем себя на распутье между позитивизмом и антипозитивизмом, дюргеймовским механицизмом и веберовским «пониманием», поиском общих законов общественного развития и приматом уникальности исторических событий.

Будущее, успешнее устареть

В последние несколько лет из печати вышло немало книг, в которых получает развитие концепт «города-проекта» как города будущего. Технологичность, безопасность, экологичность, инклюзивность, нейросети и умные технологии (обеспечивающие безопасность и контроль), новые (возможно, квазиновые) строительные

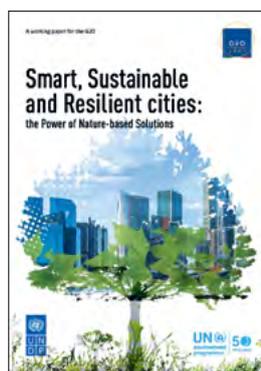
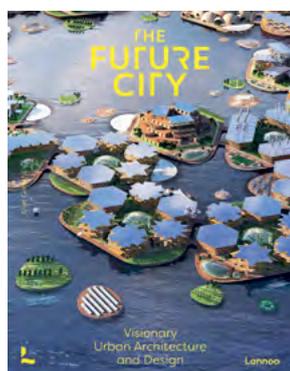
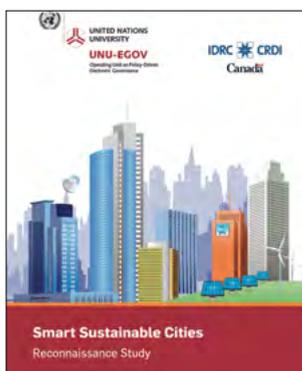
решения – примерно так выглядит представленное в этих работах проектируемое будущее городов, причем в глобальном масштабе. Умные технологии и модели устойчивого развития отодвигают на задний план многие аспекты джентрификации, рурализации, и даже некогда актуальные вопросы комбинирования мало-, средне- и многоэтажного строительства. Обложки книг о городах будущего выполнены в одной тональности: неоновые огни и технологии. В редких случаях высотные здания заменяются плавучими городами-отелями для эльфов и дюймовочек, которым, очевидно, не нужно ежедневно ходить на работу. Будто и не было прошедших ста лет: представления о будущем, сформированные фантастами и художниками-авангардистами почти не меняются. Мы сталкиваемся с феноменом устаревшего будущего и текстологией прошлого в образах будущего (рис. 1).

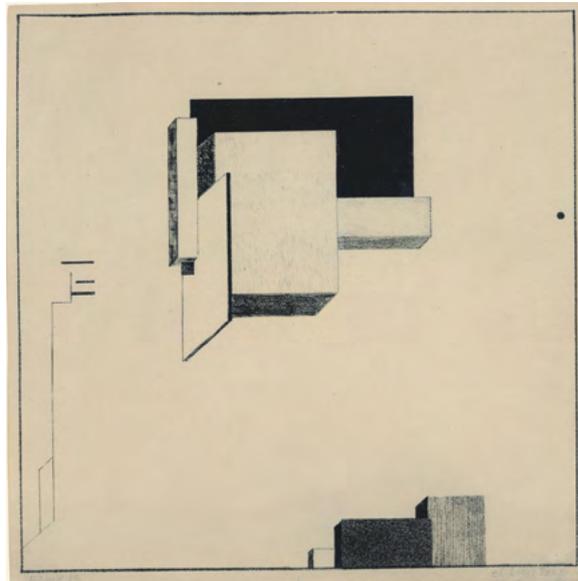
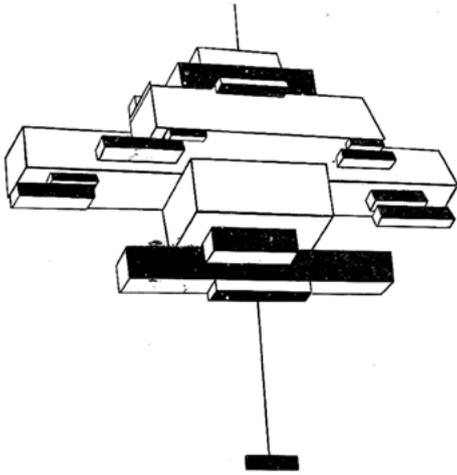
Представления о городе будущего: откуда они приходят?

Основными предвестниками сегодняшних идей о проектировании городов будущего стали лидеры художественного авангарда и научные фантасты. Мы до сих пор видим наше будущее таким, каким они представляли его многие десятилетия назад. Несмотря на то что супрематизм и конструктивизм послужили основой международного модернизма в архитектуре и искусстве более сотни лет назад, обыденное восприятие будущего и сегодня значительно отстает от образов будущего в конструктах К. Малевича и Л. Лисицкого (рис. 2, 3).

Сегодняшние фантазии о городе будущего во многом «повторяют» фантазии вековой давности: «Я вижу город с центром типа Москва-Сити. Это не будут человеки, люди будут чувствовать себя комфортно» [2]. Или другой пример: «Он (город будущего) будет гиперурбанизированным. Будут исполненные сооружения повышенной сейсмостойчивости (не дай бог рухнуть такому) самого разного назначения (жилищного, лечебного, учебного, культурно-развлекательного, спортивного, иного)... Такое комбинированное "морфофункциональное" сооружение, возможно, будет называться не просто "домом", "зданием", а "урбанидой" (т. е. единицей урбанизации)» (ответ пользователя

в Рис. 1. Обложки книг по вопросам проектирования городов будущего

< Рис. 2. Казимир Малевич. Будущие планеты (дома) землянинов (людей). Бумага, печать. 1923–1924

< Рис. 3. Эль Лисицкий. Проун 1С. Дом над землей. 1919

Грему на вопрос «Каким вы видите город будущего?», www.bolshoyvopros.ru/questions/4194389-kakim-vy-vidite-gorod).

Обнаруживается, что дифференциация утопии и антиутопии (за исключением крайних апокалиптических сценариев) зависит исключительно от нашего восприятия. Например, Курт Воннегут в романе «Механическое пианино» (1952) описал высокотехнологичное общество, где большинство людей как раз и живут в вожделенных «урбанидах» (или планитах, по терминологии К. Малевича) и им совершенно бесплатно выдается все необходимое для жизни, включая домашнюю технику. Для Воннегута такая жизнь – антиутопический ужас, а для кого-то – мечта.

В то же время, оглядываясь вокруг себя, мы нередко видим реальную визуализацию образов и форм, представленных когда-то художниками-авангардистами и фантастами. Речь здесь идет, по-видимому, не о даре предвидения, а об идеях для проектов (это как раз и есть «проун» Лазаря Лисовского – уже не рисунок, но еще не архитектура). Заимствовать такую идею из прошлого (из произведения искусства, фантастического романа) проще, нежели создать нечто, чего никогда прежде не бывало даже на бумаге или в форме макета. Нужно основательно забыть о чем-то, чтобы спустя годы начать считать это забытое новым.

В романе Станислава Лема «Возвращение со звезд» астронавт Эл Брегг возвращается на Землю; здесь за то время, что он в течение 10 лет покорял созвездие Южной Рыбы, прошло 127 лет. Сделав пересадку на Луне, Эл прибыл на родную планету. Пытаясь разобраться в бесконечных эскалаторах и коридорах аэропорта, он наконец-то видит город:

«Словно вся глубина ночи раскинулась на одной плоскости. Из светящегося тумана по самый горизонт – разноцветные галактики площадей, скопления спиральных огней, дрожащее зарево над небоскребами; на улицах копошение, извилистое ползание светящихся бусинок, и над всем по вертикалям – хаотическая пляска неонов, огненные плюмажи и молнии, кольца, самолеты и бутылки, багровые одувачники сигнальных огней на причальных мачтах, вспыхивающие на миг солнца и выпрыгиваю-

щие с механической стремительностью огненные жилы реклам.

Я застыл и смотрел, слыша за собой мерное шарканье сотен ног. Внезапно город исчез, и появилось огромное трехметровое лицо.

– Мы передавали монтаж хроники семидесятых годов из цикла «Виды старых столиц». Сейчас Траппстель начинает передачу из школы космолитов...» [2, с. 22].

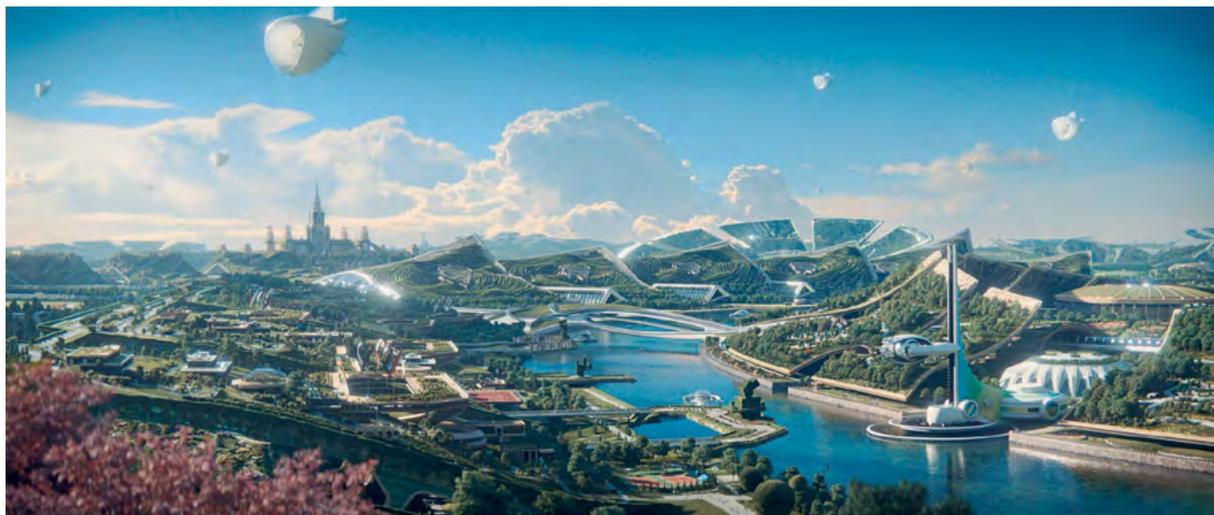
Роман Лема был написан в 1961 году. В романе он рисует как недалекое для него будущее (1970-е), так и отдаленное – XXIII век. Образы будущего стали образами прошлого не только для Лема, но и для нас.

Восприятие будущего как восприятие прошлого: кинематографические эксперименты

Города эволюционируют, что-то приобретают, что-то теряют. Кинематографические эксперименты помогают понять ретро- и перспективное восприятие городской аутентичности. Так, в 2008 году был снят фильм «Адмирал» о судьбе А. В. Колчака. В фильме есть моменты, отображающие пребывание Колчака в Иркутске. В кадрах современный зритель узнает Иркутск, поскольку именно там и проходили съемки. С одной стороны, выбор Иркутска в качестве места съемок того же Иркутска, но образца 1918 года, видимо, говорит о том, что за 100 лет городу удалось сохранить свою аутентичность, несмотря, например, на разрушение церквей в 1930–1950 годы, хрущевско-брежневскую застройку и пр. В конце концов при сопоставлении объектов прошлого и настоящего постановщики используют старые фотоматериалы и избегают очевидных «киноляпов». С другой стороны, речь часто идет о неосязаемых «атмосферных» явлениях, и выбор природы для съемки все же отражает в первую очередь позицию создателей фильма. При этом зрители-иркутяне, увы, не могут сравнить изображаемую натуру с «оригиналом» столетней давности, поскольку события происходили задолго до их рождения.

В 1973 году на экраны вышли знаменитые «Семнадцать мгновений весны». Съемки проходили в городах ГДР, в Тбилиси, Москве... Но для отражения атмосферы Берлина середины 1940-х лучше всего, по мнению режиссера Т. М. Лиозновой, подошла советская Рига.

> Рис. 5. Москва-2124.
Кадры из фильма «Сто лет тому вперед» (2024)
(<https://rutube.ru>)

И это не единственный случай, когда город (по мнению режиссера) перестает «походить на себя» и его утраченную атмосферу ищут в иных локациях.

Известный фильм «Жестокий романс» (1984) Эльдар Рязанов снимал в Костроме, в то время как в «Бесприданнице» А. Н. Островского, по мотивам которой снят фильм, действие происходит в Нижнем Новгороде. В советское время Нижний Новгород, называвшийся в то время Горьким, был закрытым городом, однако режиссер вполне мог организовать там съемки. Просто город Горький, считал Э. Рязанов, обрел новую идентичность крупного промышленного и научно-технологического центра, и атмосфера «Бесприданницы» была утеряна. А более провинциальная Кострома эту атмосферу якобы сохранила.

Наконец, отдельные сцены фильма «Мастер и Маргарита» (2024), сюжет которого изначально пропитан атмосферой Москвы, в начале третьего десятилетия нынешнего века снимали в Московском районе Санкт-Петербурга, поскольку для некоторых эпизодов в самой Москве авторы фильма «не нашли подходящей природы». В частности, эпизоды беседы Воланда с представителями МАССОЛИТа и смерти Берлиоза были сняты вовсе не на Патриарших прудах: за спинами персонажей можно различить фонтанный ансамбль и Дом Советов на Московской площади Санкт-Петербурга.

Взгляд режиссера, безусловно, не является «социологическим показателем», тем не менее необходимость «отразить атмосферу» ставит перед автором фильма

рефлексивные задачи, которые в обычной жизни нам нет нужды решать. Когда перед режиссером возникает необходимость изобразить город будущего, он сталкивается со схожими задачами, мыслительный алгоритм решения которых идентичен только что описанному (разница лишь в том, что если в первом случае рефлексия имела ретроспективный характер, то во втором – перспективный).

Существуют по крайней мере две экранизации повести Кира Булычева (1976) «Сто лет тому вперед» – телефильм «Гостя из будущего» (1984) и новый широкоэкранный фильм «Сто лет тому вперед» (2024). В «Госте из будущего» Москва-2084 в архитектурном плане мало чем отличается от Москвы-1984. Видение создателей фильма «можно объяснить ограниченными техническими возможностями съемочной группы» [3, с. 166]. Но, скорее всего, это объясняется определенным отношением к будущему: город сохраняет свой исторический облик (зрители ясно видят Большой театр, Московский Кремль и гостиницу «Космос») [3, с. 167], а инновации касаются лишь науки и технологий (Институт времени выглядит вполне футуристично, оснащен роботами и искусственным интеллектом) (рис. 4). Мы должны признать, что сегодня, когда с момента выхода фильма на телеэкраны прошло 40 лет, такой ретрофутуризм не кажется банальностью: основные перспективные тенденции были схвачены правильно. Обратим внимание, что в 2084 году, согласно сюжету фильма 1984 года, дети не носят пионерские галстуки, хотя это не имеет прямого отношения к архитектурному облику столицы. Очевидно, создатели фильма искали вдохновение в «настоящем городе», которое в их представлении не слишком отличалось от прошлого.

В то же время, начиная с 1990-х годов, архитектурные трансформации стали настолько наблюдаемыми и осознаваемыми, что это, вероятно, дало повод думать, что в течение ближайших 100 лет они станут еще более стремительными. Именно поэтому в фильме 2024 года Москва-2124 выглядит как абсолютный футуристический проект. Здесь мы можем возразить, что в 1984 году не было современных возможностей компьютерной графики, однако отказ авторов фильма 2024 года от натуральных съемок лишь подтверждает наше предположение

> Рис. 4. Москва-2084.
Кадры из фильма «Гостя из будущего» (1984)
(<https://you-journal.ru>)

^ Рис. 6. Робот-доставщик едет мимо мужчины, который долбит лед топором. Мурино (Санкт-Петербург) (<https://fotostrana.ru>)

^ Рис. 8. В Москве прохожие помогают застрявшим в снегу роботам-курьерам (<https://www.gazeta.ru>)

v Рис. 7. Заместитель заведующего кафедрой робототехники Московского технологического института робот Алантим (<https://riamo.ru>)

о том, что в их представлении Москва через 100 лет будет совсем другой, и лишь стадион «Лужники», здание МГУ и Москва-река оставят ее узнаваемой (рис. 5).

Этот беглый «кинематографический» анализ позволяет нам сделать первый несложный вывод: восприятие будущего основано на восприятии прошлого. Именно прошлого, а не настоящего, поскольку последнее начинает осмысляться, лишь став прошлым.

Создатели фильма 2024 года могут полагать, что, поскольку в двадцатые годы XXI в Москве не всегда можно найти натуру для отражения атмосферы 1930-х годов («Мастер и Маргарита», 2024), то, вероятно, Москва двадцатых годов XXII века (учитывая темпы прогресса) еще более основательно утратит аутентичность. И здесь мы начинаем понимать, что субъективным является не только восприятие будущего, но и восприятие прошлого. Постановщики «Мастера и Маргариты» 2024 года не смогли найти натуру для встречи на Патриарших в современной Москве не потому, что такую натуру невозможно найти, а потому что они на основании субъективного опыта воспринимают современную Москву как чересчур инновационную, утратившую связь со своим прошлым.

Наш второй вывод таков: конструирование восприятия будущего алгоритмируется аналогично восприятию прошлого. При этом восприятие прошлого так же субъективно, как восприятие будущего. Оценка правильности прогноза всегда субъективна и зависит от интерпретаций, ибо даже самый точный прогноз неточен. Все зависит от того, на какую сторону прогноза обращается больше внимания. При оценке «степени сбываемости» пророчеств Нострадамуса можно увидеть как невероятный дар предвидения, так и полное отсутствие совпадений. Тем не менее оценить степень правильности прогноза можно лишь тогда, когда сам прогноз стал прошлым.

Ученый, в отличие от кинематографиста, ставит перед собой вопрос, «который расширяет, отодвигает вдаль когнитивный горизонт, обеспечивает панорамное видение», но тем не менее позволяет «заглянуть в будущее» лишь «пробным, приблизительным, умоглядным путем» [4, с. 198]. При этом «поиск нового истинного знания представляет собой форму реализации человеческой свободы» [4, с. 195].

Идея города-проекта, города будущего – это атемпорально новая идея. Иными словами, «новая» идея на все времена. И если новое – это хорошо забытое старое, то будущее – хорошо забытое прошлое. По аналогии с тем, что «у каждого века свое Средневековье» (С. Е. Лец), каждый век имеет квазиновый город-проект.

Технологии и перспективы городов

В нашем исследовании мы до сих пор практически обходили стороной категорию искусственного интеллекта, а ведь именно он является сегодня ключевым концептом в дискуссиях о городе будущего.

Действительно, технологии видеоконтроля укоренились в дискурсе городов. Постепенно в жизнь городов приходят роботы и беспилотные автомобили. Уже сейчас очевидно, что интеллектуальные технологии явно «предпочитают» одни виды деятельности и игнорируют другие. Не исключено, что и через 50 лет, когда роботы окончательно потеснят курьеров, труд дворников и ледорубов на улицах наших городов останется исключительно человеческим (рис. 6). По крайней мере именно такую перспективу 80 лет назад нарисовал Курт Воннегут в романе «Механическое пианино»: в полностью роботизированном городе лишь у людей (а не у роботов) хватает сил на дорожно-транспортные работы.

Параллельно набирает силу обсуждение угроз и опасностей (этических, экзистенциальных интеллектуальных), которые искусственный интеллект приносит в город [5]. Между тем в современной городской среде роботы, увы, не всегда могут чувствовать себя в безопасности. Например, вскоре после своего назначения на должность заместителя заведующего кафедрой робототехники Московского технологического института робот Алантим (рис. 7), передвигавшийся по улицам Москвы на мотоцикле, был жестоко избит неизвестным с помощью металлической биты.

В данном случае стоит задуматься, что именно порождает в горожанах агрессию по отношению к роботам: чувство обиды, вызванное карьерным ростом робота, его антропоморфный вид или же и то и другое одновременно. Как оказалось, более скромные роботы – разносчики пиццы, внешне напоминающие

^ Рис. 9. «Дома НЛО» (UFO houses) в городе Будущее (Futuro) на Тайване (<https://novate.ru>)

передвижную полевую мини-кухню, – не вызывают у горожан агрессии. Так, во время беспрецедентных снегопадов в конце осени 2023 года москвичи многократно помогли роботам из «Яндекс-доставки» (рис. 8). Не вызывают они агрессии и у тех, кому составили конкуренцию, – у курьеров-людей.

В проектировании городов будущего реакции горожан на разные формы искусственного интеллекта, на наш взгляд, заслуживают отдельного внимания. Станислав Лем в романе «Возвращение со звезд» описывал, как в городах будущего многие люди стали болезненно воспринимать роботов, слишком напоминающих людей. Поэтому разработчики искусственного интеллекта в будущем постепенно отказались от создания «человекоподобных» киборгов.

Мы слишком уверовали в технологии. Нам понравилось это слово, также как и выражение smart city. Мы любим произносить словосочетание «искусственный интеллект». Мы искренне поверили, что город действительно может быть умным, как будто он, будучи оснащенным видеокамерами, и в самом деле способен думать. Мы не познали до конца первопричины исторических событий, не смогли постичь природу человеческой личности, не раскрыли тайну человеческого интеллекта, но всерьез рассуждаем о возможностях искусственного интеллекта в городе, который мы сами назвали умным.

Что греха таить, мы придумываем города будущего, реализация которых почти сразу начинает давать сбои [6], и недостаточно глубоко анализируем неудачи подобных проектов в прошлом: далеко (Ахетатон в древнеегипетском Новом царстве) и недавнем (Арконзати в американской Аризоне, Futuro на Тайване (рис. 9), Бурджаль-Бабас в Турции (рис. 10) или даже Шарм-эль-Шейх (рис. 11) в современном Египте).

Мы придумали, что технологии развиваются. На основе образов, заимствованных из фантастических книг и авангардизма, в городах создается футуристический ландшафт, но не более. «Я предполагаю, что мистер Форд добьется больших успехов в этом направлении, – говорил Никола Тесла о летающих автомобилях, – если осуществить эту задумку, проблемы с парковками будут решены». Между тем мегаполисы разрастаются вширь,

и люди стоят в пробках – по утрам, чтобы добраться до работы, а вечером, чтобы вернуться домой. А ценность жилья до сих пор определяется его близостью к метро. И люди, как и 50 лет назад, с нетерпением ждут запуска новых веток метро.

Тем не менее, хотя новая ветка метро и является квазиновацией, в представлении многих людей она более надежна и жизнеспособна, чем истинная инновация. Будущее, которое человек в силах осмыслить посредством имеющихся у него на данный момент интеллектуальных ресурсов, по крайней мере не внушает страха.

Будущее городов, как и их прошлое, алгоритмизируется как текстуальная история и имеет ретрофутуристическую когнитивную природу. При этом восприятие прошлого столь же субъективно, сколь и восприятие будущего. Боясь сделать шаг вперед, мы говорим о сохранении традиций. Мы вроде бы и хотим прогресса, но такого, чтобы он не слишком заставлял нас меняться и аккумулировать наши энергетические ресурсы. Идея цикличности успокаивает нас: «...так ужасно изжевали нас челюсти беспощадного времени. <...> Но, слава богу, теперь оттаяла, отпала вся нарощая кора. Ты опять тот же» (А. И. Куприн. «Колесо времени»).

Нам, очевидно, таким образом хотелось бы убедить себя, что будущее предсказуемо и мы можем каким-то образом контролировать его. Между тем «единственная уверенность заключается в том, что будущее преподнесет нам сюрприз» [7, р. 327]. Однако и у сюрпризов бывают причины. Поскольку будущее городов текстологизирует восприятие их прошлого, возможно, будет нелишним поискать эти причины в истории проектирования городов.

Воплощая идею города будущего, ученым-урбанистам и практикам градостроительства и градоустройства целесообразно выстраивать институты интеллектуальной коммуникации и развивать технологии эпистемологической прогностики [8, с. 180]. Основу таких технологий формируют когнитивные кластеры перспективного развития. Эти кластеры подобны некогда пустым клеточкам в таблице Менделеева. Мы точно не знаем, что именно заполнит эти кластеры, но по крайней мере опыт прошлых проектов позволяет определить их примерную форму и последовательность. Границы предиктивного анализа,

^ Рис. 11. Шарм-Эль-Шейх: заброшенный парк «Голливуд» (<https://bangkokbook.ru>)

^ Рис. 10. Бурдж-аль-Бабас в Турции: заброшенный «город для миллионеров» (<https://novate.ru>)

вероятно, имеют предел. В самом первом варианте таблицы Менделеева было 60 элементов и большое количество пустых ячеек. Сегодня обнаружено и описано 118 элементов, и пустых ячеек более не осталось. И никто из ученых не может сказать, есть ли еще во Вселенной элементы, неизвестные человеку. Примерно то же самое мы можем сказать о границах видения города будущего, с той лишь оговоркой, что здесь – еще очень большое количество незаполненных ячеек.

Литература

1. Culture and creativity for the future of cities – Theory, practices and methodologies from African, Asian and Latin American countries // European Commission, Directorate-General for International Partnerships, Publications Office of the European Union. 2021. – URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2841/335269> (дата обращения: 16.03.2024).
2. Лем, С. Возвращение со звезд. – Москва : АСТ, 2021. – 672 с.
3. Яворская, М. В. «Мы – это и есть вы». Сопоставление образа будущего в книге «Сто лет тому вперед» и фильме «Гостья из будущего» в историческом контексте // Детские чтения. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 161–176.
4. Касавин, И. Т. Когда будущее граничит с утопией: наука в перспективе // Вестник Томского гос. университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 68. – С. 193–200.
5. Трубина, Н. А., Миркушина, Л. Р. Интеграция компьютерных алгоритмов, методик и тренингов в дискурсивные поля современного города: вопросы этики // Координаты современной урбанистики: новая гуманитарная перспектива : в 2 т. – Москва : Изд. дом «Инфра-М», 2023. – С. 32–35.
6. Ростовцев, И. Риски Доброграда: инфраструктурный проект близок к провалу // Чеснок. 28.02.2023. – URL: <https://chesnok.media/2023/02/28/riski-dobrograda-infrastruktornyj> (дата обращения: 16.03.2024).
7. Stehr, N. Knowledge Capitalism. – New York : Routledge, 2022. – 358 p.
8. Савченко, И. А. Вектор Штера: знание в координатах города // Эпистемология и философия науки. – 2023. – Т. 60, № 4. – С. 173–189.

References

- European Commission, Directorate-General for International Partnerships. (2021). *Culture and creativity for the future of cities – Theory, practices and methodologies from African, Asian and Latin American countries*. Publications Office of the European Union. <https://data.europa.eu/doi/10.2841/335269>
- Kasavin, I. T. (2022) When the future borders on utopia: Science in perspective. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 68, 193-200. DOI: 10.17223/1998863X/68/19
- Lem, S. (2020). *Return from the Stars*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Rostovtsev, I. (2023, February 28). Riski Dobrograda: инфраструктурный проект близок к провалу [Risks of Dobrograd: An infrastructure project is close to failure]. *Chesnok*. Retrieved March 16, 2024, from <https://chesnok.media/2023/02/28/riski-dobrograda-infrastruktornyj-proekt-blizok-k-provalu/?ysclid=ltt04e6xs5746628213>
- Savchenko, I. A. (2023). Stehr's vector: knowledge in the city coordinates. *Epistemology and Philosophy of Science*, 60(4), 173-189.
- Stehr, N. (2022). *Knowledge Capitalism*. New York: Routledge.
- Trubina, N. A., & Mirkushina, L. R. (2023). Integration of computer algorithms, techniques and trainings into the discursive fields of a modern city: Ethics issues. In *Koordinaty sovremennoj urbanistiki: Novaja humanitarnaja perspektiva. V 2 tomah [Coordinates of Modern Urban Studies: A New Humanitarian Perspective. In 2 volumes]* (pp. 32-35). Moscow: Publishing House "Infra-M".
- Yavorskaya, M. V. (2019). "Мы – это и есть вы". Sopotavlenie obraza budushhego v knige "Sto let tomu vperjod" i filme "Gostja iz budushhego" v istoricheskom kontekste ["We are you." Comparison of the image of the future in the book "One hundred years ahead" and the film "Guest from the future" in a historical context]. *Detskie chtenija [Children's readings]*, 15(1), 161-176.